

ЛАО-ЦЗЫ НА ГРАНИЦЕ

Л двадцать пять столетий назад восьмидесятилетний старик со своим буйволом направился к западным воротам стены, отделявшей Китай от дикого мира, и сказал стражу ворот, что он очень сильно разочарован коррупцией и моральным разложением династии Чжоу, поэтому предпочтет начать тихую, уединенную жизнь отшельника в неизвестности за стеной, нежели утонуть в болоте Чанчжоу.

Инь Си, пограничный чиновник, узнал старика, поскольку тот был одет в платье хранителя императорских

архивов, и отказался пропустить его через ворота. «Не тебя ли называют Лао-цзы, преподобный мудрец? Пока ты не запишешь свое учение, чтобы мы могли помнить твои мудрые изречения, я не могу пропустить тебя, потому что для всех нас это будет огромной потерей». Лао-цзы пожал плечами и слез со своего буйвола. «Я никуда не спешу. Время для меня больше ничего не значит». Он позаимствовал у Инь Си бамбуковые палочки, чернила и кисточку, и 5000 иероглифов описал Путь, который стал известен как Даодэцзин, Дао Дэ Цзин или (с недавних пор) Дэ-Дао Цзин — книга (Цзин) пути земли (Дэ) и путь духа (Дао). Запечатлев свою мудрость мазками кисти, Лао-цзы, опираясь на плечо Инь Си, сел на своего буйвола и проехал через ворота в безмолвное царство тайны, после чего его больше никто никогда не видел.

道

Лао-цзы ушел в безмолвие в погоне за Чем-то бóльшим, Чем-то невыразимым и неуловимым, за пределы слов или образов, даже за границы собственного просветленного ума. Он признал это во вступительных словах к трактату «Дао Дэ Цзин», преуменьшая значение собственной мысли.

ПУТЬ, О КОТОРОМ МОЖНО РАССКАЗАТЬ,
НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЧНЫМ ПУТЕМ,
ИБО НЕТ ИМЕНИ У ВЕЧНОГО.
НЕБО И ЗЕМЛЯ ПРОИЗОШЛИ ОТ БЕЗЫМЯННОГО.
НАЗВАННЫЙ — ЭТО РОДИТЕЛЬ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ВЕЩЕЙ.

Мы на Западе называли Безымянного Богом, связав с Ним бесчисленные человеческие мысли. Однако этого золотого тельца не следует путать с истинным

Безымянным. От названных богов произошли десять тысяч религий, культов и сект — каждая со своей интерпретацией неопишуемого.

В нашу защиту можно сказать, что мы, люди, по крайней мере искали Безымянного в своей неуклюжей манере, начиная с тех дней, когда рисовали в пещерах, а затем в пирамидах, а также поклонялись Солнцу, Луне и планетам или богам времен года, вплоть до нашей эры. И мы всё еще находимся в поиске.

Язык не может описать неопишуемое, но он может указать людям на Нечто Большее. Средневековый доминиканский монах Фома Аквинский отложил в сторону свою монументальную «Сумму теологии», объясняя внезапную потерю интереса одному из своих братьев-монахов. «Всё это — тлен, — сказал он, — по сравнению с тем, что открылось мне». Прозванный братьями Быком из-за своего глубокого и упрямого молчания, Фома без колебаний отложил перо, потому что, подобно Лао-цзы, ему больше не нужны были слова.

道

Спустя несколько столетий после исчезновения Учителя Чжуан-цзы (Zhuangzi), изучающий Дао, сочинил притчу, в которой говорится о бесполезности слов для описания Пути. Если бы Лао-цзы был знаком с этой историей, то, несомненно, встал бы на сторону колесного мастера Пьена¹.

¹ Взято из книги Джона Ричарда Сэка «Виды Луны» (CyberScribe Publications, Джексонвилл, штат Орегон, 2017). Большинство историй, которые встречаются в этой книге, взяты из вышеуказанного произведения.

Герцог Хуан спокойно сидел и читал в своем большом зале. Колесный мастер Пьен, который работал во дворе, вдруг отложил молоток и зубило, поднялся по ступенькам в зал и спросил герцога:

— Эта книга, которую читает ваша светлость, — могу я рискнуть спросить, чьи слова в ней?

— Конечно. Это собрание сочинений самых почтенных мудрецов, — сказал герцог.

— Эти мудрецы всё еще живы?

— Нет, они давно умерли, — сказал герцог.

— В таком случае то, что вы читаете, — не что иное, как шелуха, оставшаяся от мудрых мастеров древности!

Его комментарий разозлил господина.

— С каких это пор у колесного мастера появилось разрешение критиковать книги, которые я читаю?! У тебя есть причина говорить это? Если так — что ж, очень хорошо. Говори, иначе твои слова будут стоять тебе жизни!

Колесный мастер Пьен поклонился и ответил:

— Я смотрю на это с точки зрения своей работы. Если, когда я долблю колесо, удары молотка слишком нежные, долото будет скользить. Но если они слишком сильные, то инструмент вгрызается в древесину и не двигается с места. Не слишком нежно, но и не жестко — это можно почувствовать в своей руке, но невозможно выразить словами. Я пытался научить своего сына, но безуспешно — он так и не смог перенять у меня эту хитрость. Так что я прожил семьдесят лет и до сих пор всё еще чиню колеса без его помощи. А когда я умру,

人
之
道
也
完
物
也
一
切
皆
有
其
道
也
一
切
皆
有
其
道
也
一
切
皆
有
其
道
也
一
切
皆
有
其
道
也

人
生
如
夢
一
轉
眼
萬
物
皆
空
莊
子
化
蝶
化
陶

эта способность, которую я не могу объяснить, умрет вместе со мной. Точно так же древние мудрецы умирали и забирали с собой ту часть, которую нельзя было объяснить и выразить словами. То, что вы читаете, не может быть не чем иным, как шелухой, самой незначительной частью их мудрости, которую они могли бы объяснить письменно.

Герцог Хуан пощадил колесного мастера Пьена и поблагодарил за мудрый ответ.

道

Дао, о котором можно рассказать, не является вечным Дао.

道

В обычной жизни мы используем слова, чтобы определить десять тысяч вещей — разграничить, классифицировать и отличить их друг от друга. Лао-цзы признавал, что сбор и бесконечное описание этих бесчисленных объектов подавляли, отвлекали и искажали глубокий дух народа и двора Чэнчжоу, в конечном счете уничтожая их достоинство. Как следствие, он покинул этот мир ради царства молчания, погрузившись в тайну Дао, где надеялся увидеть каждый объект без фильтра, через собственную линзу, просто как то, что есть, и каждое событие — как то, что происходит, без суждения или сравнения.

Вот что значит укорениться в чистом Присутствии, в Безымянном. Это царство мистического осознания, где всё может быть только тем, что оно есть. Мистики ищут реальное, в то время как большинство людей ищут воображаемое. Мистики хотят войти в такое Безымянное, какое

оно есть, а бóльшая часть человечества хочет, чтобы их бог был именно таким, каким они его себе представляют.

В обыденной жизни наш разум делит вещи на две части, а оттуда переходит к множественности. Лао-цзы был свидетелем этого явления:

ПОД НЕБЕСАМИ МЫ ВИДИМ КРАСОТУ КАК НЕЧТО
ПРЕКРАСНОЕ
ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО СУЩЕСТВУЕТ УРОДСТВО.
МЫ ЗНАЕМ ДОБРО КАК ДОБРО ТОЛЬКО ПОТОМУ,
ЧТО ЕСТЬ ЗЛО.
СЛЕДОВАТЕЛЬНО, БЫТИЕ И НЕБЫТИЕ ВОЗНИКАЮТ
ВМЕСТЕ.
ТЯЖЕЛОЕ И ЛЕГКОЕ ДОПОЛНЯЮТ ДРУГ ДРУГА.
ВЫСОКОЕ И НИЗКОЕ ДОПОЛНЯЮТ ДРУГ ДРУГА...

12 Однако, как только мистики преодолевают границы обыденности даже здесь, под небесами, и выходят за пределы разделения и ограничения интеллекта, чтобы распознать единство, охватывающее всё сущее, они достигают состояния, называемого «ум новичка»¹. Именно в таком состоянии они существовали там, где пребывали до рождения в своих нынешних формах. Возможно, осознав такую пустоту ума, Лао-цзы заключил:

«Поэтому мудрец пребывает в бездействии и учит без слов».

道

Подобно тому как фермер по следам на снегу или грязи находит заблудившееся или отбившееся от стада животное, в японских сказках о выпасе быков искатель ищет

¹ *Ум новичка* — состояние, в котором мы заново познаем мир.

Быка — высшее «Я» или свой дух. Перефразируя Романо Гвардини, это «Я» не Безымянное и в то же время не что иное, как Безымянное. Подобно Безымянному, оно не имеет ни имени, ни формы, является нети-нетти — ни тем, ни другим, — не имеет биографии и никогда не перестанет быть. Оно (высшее «Я») прячется, но если мы пойдём по его следам вверх по горе, то действительно сможем найти, поймать и приручить его. В этих пастушьих сказках счастливый пастух возвращается на рынок верхом на уже управляемом Быке, чтобы учить других, и часто он предстает в обличье святого юродивого.

Лао-цзы был святым, но не юродивым. У него, безусловно, имелись последователи, поскольку «Лао-цзы» было не его настоящим именем, а почетным званием, означающим «Старый мастер» или «Почтенный мудрец». В прошлой жизни некоторым из нас, возможно, посчастливилось услышать его наставления лично, стоя в толпе собравшихся слушателей на рынках Чэнчжоу (действительно, какая приятная мысль!).

Инь Си признал мастера и, почитая его как бесценное национальное достояние, не позволил лишиться свой народ его мудрости. Очевидно, Лао-цзы уже давно приручил своего Быка, и поэтому мы символически представляем его верхом на водяном буйволе, въезжающем в пустошь и убегающем с рынка, на котором он прослужил восемьдесят лет.

道

Вы искали Быка? Есть ли у вас страстное желание последовать за Лао-цзы в неизвестность? Те, кто погружен в обыденность, находят мысль о Быке непостижимой по той простой причине, что у них нет желания проникнуть в ее суть. Вместо этого они предпочитают оставаться

в ловушке десяти тысяч вещей — расе, поле, нации, школе, работе, политике, семье, церкви, развлечениях, в скоплениях всякой ерунды и в запутанных узлах человеческих эмоций. Для них лучше вечно жить в этом сне Арлекина, нежели проснуться ни с чем.

Другие — созерцатели. (Возможно, таковыми могут быть двое из ста человек, согласно данным трансперсональных психологов.) Они, даже живя такой же жизнью, чувствуют побуждение найти Нечто Большее, то самое, что привлекло Лао-цзы к границе и что объяснит высшую цель их пребывания в данном месте. Возможно, они слышали буддийское приглашение: «Не забывайте о своей подлинной целостности и благодати. Вспомните свою изначальную красоту и повернитесь к добру». А может быть, они почувствовали мимолетный приступ тоски по дому, стремление вернуться к истокам. Хотя это и правда, что все мы, от самых деструктивных индивидуумов до наиболее просветленных личностей, стоим каждый на своей ступени восходящей винтовой лестницы под названием «эволюция» — ничто не мешает нам шагнуть вверх и подняться на следующий уровень.

Сначала появляется тихий шепот, призывающий разыскать Нечто Большее, и он едва различим за городским шумом Чанчжоу. Тем не менее этот негромкий призыв настойчив, словно монастырские колокола, созывающие монахов к совместной молитве, и, наконец, зарождающийся созерцатель, будущий мистик, откликается на этот зов.

Лао-цзы, как известно, писал, что путешествие в тысячу миль начинается с первого шага, и поэтому паломники делают робкий шаг вперед прямо из своей обыденной жизни, где они обременены, как и все мы, своей человеческой природой. Ищущие обычно начинают с практик, направленных на преодоление препятствий на пути

к осознанию, таких как духовное чтение, семинары и сатсанг (встречи и общение) с учителями для возвышения и просвещения разума. Это могут быть молитва, пребывание в тишине и уединении, выездные семинары и медитации для успокоения души, а также йога, тайцзи, цигун, пост или танцевальная медитативная техника кружения для очищения организма. В ходе этого путешествия постоянно возникают новые препятствия, требующие иных подходов для их преодоления. По мере приближения духовных путешественников к границе препятствия на пути к осознанию становятся всё более коварными.

В один прекрасный день паломники перерастут свои практики и заменят их тишиной созерцания, но до тех пор им потребуются годы терпения и упорства. Возможно, они столкнутся с необходимостью начать всё с нуля в этой начальной активной фазе тысячемильного путешествия, как бы они ни старались ориентироваться по своему внутреннему компасу. И хотя маленькому эго может показаться, что это не так, на самом деле тишина — разумный способ провести жизнь. Время для них больше не существует, как это и произошло с Лао-цзы.

道

Одна лишь мысль о нескончаемой учебе поначалу пугает, но продвинутые созерцатели в конце концов догадываются, что они одновременно живут как во времени, так и вне его. Они вовлечены в вечное и движутся в этом бесконечном потоке. Каждый момент времени — это не что иное, как «точка» в вечности, которую мы называем «сейчас». Точно так же понятие «места», где мы находимся, читая это предложение, — всего лишь пятнышко в бескрайнем пространстве бесконечности, которое мы называем «здесь»; всё это как одно из многих подобных

фокусов на орбите, чей центр везде, а окружность — нигде. Как поэтически выразился Уильям Блейк:

**В ОДНОМ МГНОВЕНЬЕ ВИДЕТЬ ВЕЧНОСТЬ,
ОГРОМНЫЙ МИР В ЗЕРНЕ ПЕСКА,
В ЕДИНОЙ ГОРСТИ БЕСКОНЕЧНОСТЬ
И НЕБО В ЧАШЕЧКЕ ЦВЕТКА!**

16

Время не имеет значения, равно как и местоположение. В конце концов, время было изобретено первобытными людьми как способ постичь повторяющиеся тайны света и тьмы, времен года и продолжительности жизни. Это лишь эпизодическое явление в космическом существовании. По мере того как созерцатели успешно продвигаются вперед, всё происходит одновременно во времени и в континууме вечности. Но в какой-то момент время полностью исчезает, и созерцатели, становящиеся мистиками, живут только в вечности и в необъятности бесконечного. Они живут во всех мирах и на всех планах одновременно. Дух — вечная часть их — сливается с божественным Присутствием в каждое мгновение и в каждой точке пространства и уже является каплей-участником в этой безграничной глубине.

В конце своей жизни эти искатели осознают, что такие понятия, как время и место, бессмысленны, а важны только вечность и бесконечность. И если они далее рассмотрят континуум сознания — от самого дремучего, не прозревшего эгоистичного невежества до божественного интуитивного «знания», — они придут к пониманию того, что, где бы они ни находились в этом спектре, будь то запертые в эго или исследующие блестящие склоны, где они надеются встретить Истинное «Я», они всегда

¹ Перевод С. Маршака.

вовлечены в безграничный поток, в космическое сознание, заключенное в Безымянном.

道

Вот секрет, о котором новоиспеченные паломники должны помнить, готовясь к путешествию. Временные личности, которые носят имена этих паломников — их тела, «их обезьяньи умы», их психика/души и даже их подсознание, — также хотят быть частью этой чудесной трансформации, не подавленной или упраздненной, а усовершенствованной. Маленькое «я» желает вырасти в свое Истинное «Я» по образу Безымянного, когда оно сможет ощутить Божественное как свое высшее Существо. В этот момент его можно сбросить, как бесполезную мертвую кожу змеи. Однако маленькое «я» прекрасно осознаёт, что его первоначальный беспорядок является скорее помехой, нежели помощью на пути. Как и незрелый саженец, он нуждается в обрезке и подвязке, если хочет вырасти прямым и сильным.

Эго хочет своего просветления обоими способами. Оно чрезвычайно упрямо и неохотно отказывается от исключительных прав контроля над миром своего человека. В начале путешествия эго будет сражаться со своим недавно ставшим неуправляемым скитальцем, пуская в ход когти и клыки. Потребуется значительные усилия, чтобы убедить его ослабить хватку и дать возможность войти не глядя в неизвестность, где в какой-то отдаленный день его ждет возможность трансформации, которая действительно пойдет эго на пользу. Искатели с полным основанием могут относиться к этому маленькому «я» с таким же трепетом, с каким они приближались бы к кобре, которую надеются очаровать, — чисто теоретически реальное, но практически чрезвычайно опасное занятие.